

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ А. Н. РАДИЩЕВА

Э. Виленская

История как наука не являлась для А. Н. Радищева предметом специальных занятий. За исключением незаконченной работы «Сокращённое повествование о приобретении Сибири», собственно исторических трудов Радищев не оставил. Тем не менее в поисках путей дальнейшего общественного развития он постоянно обращался к историческим событиям и, главное, не только осветил затронутые им исторические факты с принципиально новых позиций, но и построил теорию исторического развития, диаметрально противоположную господствовавшей в то время в исторической науке, — теорию, широко развёрнутую и обоснованную им не в специальных исторических трудах, а в публицистических и художественных произведениях. Это обязывает нас отвести Радищеву должное место в историографии его времени.

Взгляды Радищева на ход исторического развития проникнуты полным радикализмом, они выдвигают его на первое место среди прогрессивных мыслителей XVIII века.

Радищев был первым мыслителем, увидевшим в насильственной революции действие, изменяющее основу общественного строя; первым, кто пытался разглядеть активную роль народных масс в историческом процессе. При всей непоследовательности и ограниченности его представлений о революции (они определялись социально-экономическим уровнем эпохи) Радищев стремился преодолеть господствовавшее в передовой общественной мысли мнение, выраженное французскими просветителями, что изменение общественного строя зависит от распространения просвещения, освободительных идей и воспитания в их духе новых поколений. Не отвергая этих чисто просветительских представлений, Радищев вместе с тем искал и другие, революционные пути общественного развития и пытался установить закономерности исторического развития, чтобы заглянуть в будущее человеческой истории. От утверждения просветителей, что мнения правят миром, Радищев сделал шаг по направлению к объективной действительности. Он считал, что не только идеи, но и действия людей изменяют мир, что свободу надо ждать «от самой тяжести порабощения», а не от советов тех, «кто бы мог свободе поборствовать»¹.

Во взглядах Радищева на историю есть весьма существенные элементы диалектики. Все явления природы и развития человеческого общества он рассматривал как процесс, подчинённый определённым закономерностям, движимым внутренними противоречиями, борьбой противоположных стихий, противоположных сил. Его диалектика ещё наивна и ограничена: это стихийная диалектика, переплетающаяся с чисто метафизическими представлениями, тем не менее в ней встречаются проблески материалистического объяснения отдельных явлений истории человеческого общества. Но даже эта стихийная диалектика ставит Радищева выше его современников — французских просветителей с их механистическим пониманием исторического процесса и наивно-революционным, по выражению Энгельса, отрицанием всей протекшей истории².

¹ Радищев А. Соч. Т. 1, стр. 352. Изд-во АН СССР. М.-Л. 1938.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 25.

В понимании Радищева всякое явление возникает, развивается, затем приходит к упадку и уничтожается укрепившейся внутри него, преодолевающей его силой, которая приносит с собой новое явление.

Да не дивимся превращенью,
Которое мы в свете зрим;
Всеобщему во след стремленью
Некосиенно стремглав бежим.
Огонь в связи со влагой спорит,
Стихия в нас стихию борит,
Начало тленьем тщится дать;
Прекраснейше в мире творенье
В веселии начнёт рожденье
На то, чтоб только умирать³.

И этот же закон природы, «неизменяемый никогда», действует в обществе:

Ему подвластны все народы,
Незримо правит он всегда⁴.

Радищев близко подходит к теории скачкообразного перехода из одного состояния в другое.

Закон неизбежной поставил всеотец,
Чтоб обновление из недр премен рождалось,
Чтоб всё крушением в природе обновлялось⁵,—

говорит он в стихотворении, написанном в Сибири. Но к этому выводу он пришёл раньше, когда в «Путешествии из Петербурга в Москву» (глава «Подберезье») писал: «Всё в разрушении свое имеет начало»⁶.

Скачкообразный переход из одного явления в другое Радищев распространяет с природы на общественное развитие, и в этом его великая революционная заслуга. Борьба противоположных сил в обществе приводит к победе одной из них: «Когда в умствованиях, когда в суждениях о вещах нравственных и духовных начинается ферментация и возрастает муж твёрдый и предприимчивый, на истинну или на прельщение, тогда последует премена Царств, тогда премена в исповеданиях»⁷. Поэтому, когда Радищев призывает, чтобы «рабы, тяжкими узами отягчённые, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим... главы бесчеловечных своих господ»⁸, когда он превозносит Кромвеля за то, что тот казнил Карла I, когда он говорит о неизбежности и законности насильственного перехода от крепостничества к личной свободе, то этим самым он утверждает переход из одного состояния общества в другое как скачкообразный, революционный.

Но Радищев не только распространяет общие законы движения с природы на общественное развитие,— он отождествляет их в их конкретном преломлении и поэтому сталкивается с неразрешимыми противоречиями. «Животное, прозябаемое, родится, растет, дабы произвести себе подобных, потом умереть и уступить им свое место. Бродящие народы, собираются во грады, основывают Царства, мужают, славятся, слабеют, изнемогают, разрушаются»⁹. Место умершего животного занимает его потомство, место разрушенного человеческого общества — новое человеческое общество. Отождествление процессов, происходящих в природе с процессами, происходящими в обществе, приводит Радищева к несостоятельным аналогиям. Природа в своём движении повторяет один и тот же путь. Это метафизическое представление Радищева находится на уровне науки XVIII века. Но поскольку между законами природы и об-

³ Радищев А. Соч. Т. 1, стр. 14.

⁴ Там же, стр. 13.

⁵ Там же, стр. 125.

⁶ Там же, стр. 260.

⁷ Там же, стр. 261.

⁸ Там же, стр. 363.

⁹ Там же, стр. 260.

щества Радищев ставит знак равенства, это приводит его к выводу, что «в мире сем всё приходит на прежнюю степень»¹⁰ и каждое новое общество только повторяет путь ему предшествовавшего. Таким образом, в понимании Радищева движение идёт не по восходящей линии, а по кругу. Поэтому противоположные силы, борющиеся в обществе, выступают у него как равноценные; побеждает та, даже если она не прогрессивна, которая является новой по отношению к господствующей.

Но вместе с тем мы встречаем у Радищева высказывания и о поступательном движении человеческой истории. Так, в «Путешествии» он пишет: «Мы в обществе живём, уже многие степени усовершенствования протекшем»¹¹. В трактате «О человеке» он говорит: «Сколь один народ от другого ни отличается, однако вообразя возможность, что он может усовершенствоваться, найдём, что может он быть равен другому, что Индейцы, древние Греки, Европейцы суть по среде на стезе совершенствования»¹².

По мнению Радищева, история движется борьбой двух общественных сил: стремлением народа к вольности и стремлением отдельных личностей к самовластию. Это борьба двух противоположных форм верховной власти. Более глубоко заглянуть в процесс общественного развития, увидеть, какие внутренние противоречия стоят за этой борьбой, Радищев ещё не мог. Поэтому в его представлении ход истории заключается в смене одной формы власти формой противоположной: «Таков есть закон природы; из мучительства рождается вольность, из вольности рабство»¹³. Так поясняет Радищев в главе «Тверь» («Путешествие») следующий отрывок из оды «Вольность»:

Мучительство, строя пределы,
Отравы полны свои стрелы
В себя, не ведая, вонзят;
Равенство казнию восставит;
Едину власть, вселясь, раздавит;
Обидой право обновит¹⁴.

Но постепенно «корень благ» самой вольности истошается «по сродному человеку стремлению к самовластию»¹⁵, и тогда

Свобода в наглость превратится,
И власти под ярмом падет¹⁶.

Так на смену вольности опять приходит самовластье.

В главе «Подберезье» («Путешествие»), излагая историю человеческой мысли (борьбу вольномыслия с суеверием), Радищев пишет: христианское общество, которое «в начале было смиренно, кротко», затем «устрашилось своего пути» и «в изступлении шло стезею народам обыкновенною», то есть «воздвигло начальника, расширило его власть, и Папа стал всесильный из Царей»¹⁷. Потом в борьбу с папой вступила реформация, отстаивавшая вольномыслие. Но «вольность мыслей вдалась необузданности», и «дошел до краёв возможности, вольномыслие возвратится вспять»¹⁸.

Итак, желанная свобода, горячим поборником которой выступает Радищев в каждой написанной им строчке, должна неминуемо превратиться в наглость, «вдаться необузданности» и пасть под ярмом самовластия. И это неизбежный закон общественного развития. Таков один ход рассуждений Радищева.

¹⁰ Радищев А. Соч. Т. 1, стр. 260.

¹¹ Там же, стр. 314.

¹² Там же. Т. 2, стр. 59. Изд-во АН СССР. М.-Л. 1941.

¹³ Там же. Т. 1, стр. 361.

¹⁴ Там же, стр. 13.

¹⁵ Там же, стр. 61.

¹⁶ Там же, стр. 14.

¹⁷ Там же, стр. 260.

¹⁸ Там же, стр. 261.

Тем не менее Радищев рассматривает порабощение одного человека другим как отступление от естественного закона, как нарушение естественных прав человека, как уничтожение закона, на котором зиждется человеческое общество, наконец, как прямое преступление против общества. Радищев считает, что самый факт объединения людей в общество нарушает некоторые человеческие права. Но это добровольный отказ человека от «беспредельной свободы». Человек ограничивает свою свободу во имя благ, которые получит от общества взамен. Поэтому ограничение в правах, налагаемое обществом, должно быть равным для всех его членов. Отсюда следует вывод, что «один другому неподвластен» и поэтому «порабощение есть преступление»¹⁹. Таков другой ход рассуждений Радищева, который приводит его в столкновение с законом общественного развития, им же самим установленным.

В «Песни исторической» Радищев рассматривает историю древнего мира как конкретное воплощение своей схемы общественного развития. История Греции и Рима — это длительный процесс борьбы «древнего духа», вольности, с духом властолюбия. Простота, бескорыстие, жажда жертвовать собой для славы и благополучия отечества — главные черты, которыми он характеризует положительных героев греческой истории, — начинают колебаться под воздействием возрастающей страсти к властолюбию, сребролюбию. И слава Греции начинает угасать «в роскоши, в развратных нравах»²⁰.

В конечном счёте

...вольность,
В древней Греции сияла.
В век потухла невозвратно²¹.

Точно так же Рим во времена республики, пока им правил сенат, пока правили «презрители богатства», «мужи славны», которые «к нему любовью рдеа, всё на жертву приносили»²², был велик и славен. Но

Во всех повестях народов
Зрим премены непонятны.
Сенат Римский гордый, смелый,
Соим Князей, Владык державных
Пресмыкается и гнусен...²³.

В Риме, как и в Греции, самовластье убило вольность. И никакие попытки «хороших» представителей верховной власти, независимо от их названия, не могли вернуть ни Рим, ни Грецию на стезю добродетели, когда ими овладели «дух властолюбия» разврат и корысть²⁴. Ни Гракхи, ни высоко восхваляемый Радищевым Марк Аврелий не смогли возвратить Риму его свободы:

Марк Аврелий уж скончался,
Счастье Рима с ним исчезло²⁵.

С безнадежным призывом обращается Радищев к «правдивым» царям:

О Цари, Цари правдивы!
Власть, вам данная от Неба,
Есть отрада миллионов,
Коль вы правите народом,
Как отцы своим семейством²⁶.

Радищев А. Соч. Т. 1, стр. 314.

Там же, стр. 84.

Там же, стр. 86.

Там же, стр. 90.

Там же, стр. 111.

Там же, стр. 86.

Там же, стр. 121.

Там же, стр. 111.

Но много ли таких царей? Вся история Рима — история непрерывных браней, великих замыслов, демонстрация добродетелей и геройства — вела только к тому

...дабы злодеев,
Извергов, чудовищ пять шесть
Наслаждались всем буйно...²⁷.

И с глубокой горечью Радищев вопрошает:

Иль се жребий есть всеобщий,
Чтоб возвышенная сила
Власть, могущество, блеск славы
Упадали, были гнусны?
И рачашье о власти
Для того её лишь множат,
Чтоб тому она досталась,
Кто счастливее их будет?²⁸.

В «Песни исторической» абстрактность радищевской схемы исторического процесса очевидна. Абстрактно его понятие о вольности, за которой в конечном счёте кроются буржуазные свободы, абстрактны и внеисторичны его понятия добродетели и народного блаженства. В этом историческом обзоре древнего мира совершенно отсутствует народ, как действующая сила он остаётся за кулисами истории. Борьба ведётся между различными, то «хорошими», то «плохими» претендентами на верховную власть, и поэтому угнетёнными или блаженствующими оказываются все слои населения. Только тогда, когда Радищев обращается к конкретной действительности своего времени, он видит угнетённых и угнетателей и от абстрактного представления об историческом ходе развития переходит к конкретному пониманию того, в чём заключается содержание борьбы вольности против самовластия. Тогда народ выступает у него как активная сила.

То же увидим мы, если обратимся к толкованию Радищевым сущности гражданских законов, на которых он основывает общественное благополучие. В представлении Радищева закон — это нечто абсолютное и нерушимое, чему беспрекословно должен подчиняться каждый член общества, включая и самую верховную власть, установившую его.

Очень интересны рассуждения о законе крестичского дворянина в «Путешествии из Петербурга в Москву». «Закон, каков ни худ, есть связь общества»²⁹, — поучает он своего сына и требует от последнего беспрекословного подчинения законам. Даже в том случае, «если бы сам Государь велел тебе нарушить закон, повинуйся ему... Да уничижит закон... тогда повинуйся, ибо в России Государь есть источник законов»³⁰. Таким образом, в представлении Радищева закон, будучи однажды установлен, приобретает абсолютную силу и становится выше той власти, которая его издала.

Преклонение перед законом имело в ту пору глубокий социальный смысл. Самое понятие закона выступало как символ борьбы с произволом, на котором зиждилось самодержавие. В отличие от тех своих современников, кто обличал произвол крепостников, а иногда и крепостнического государства, не выходя из рамок этого государства, Радищев обличал самое существо государственной власти, основанной на произволе.

Рассматривая закон как внеисторическое понятие, Радищев полагал, что его назначение состоит в том, чтобы ставить всем одинаковые преграды или обеспечивать одинаковую защиту. Вместе с тем он превосходно разглядел, что законы его времени направлены против угнетённого класса. Достаточно вспомнить его неоднократные гневные восклицания

²⁷ Радищев А. Соч. Т. 1, стр. 110.

²⁸ Там же, стр. 110—111.

²⁹ Там же, стр. 293.

³⁰ Там же.

по поводу того, что крестьяне «в законе мертвы»³¹, достаточно обратиться к многочисленным эпизодам, приводимым Радищевым в «Путешествии», где он показывает, как помещики используют закон против своих «рабов»³², чтобы убедиться, что для Радищева значение закона высоко лишь как идея. На практике же законы теряют своё величие. Радищев негодует на самого себя, вспоминая случай, когда он ударил своего слугу: «А кто тебе дал власть над ним? — спрашивает он себя. — Закон. — Закон? И ты смеешь поносить сие священное имя? Нещастный!»³³. Закон остаётся священным, несмотря на то, что он утвердил (а в представлении Радищева даже установил) власть помещика над крестьянами, и он расценивает это последнее как поношение священного имени закона. Поэтому не удивительно, когда тот же крестичский дворянин, продолжая поучать сына, говорит: «Но если бы, закон или Государь, или бы какая либо на земли власть, подвизала тебя на неправду и нарушение добродетели, пребудь в оной непоколебим»³⁴. В итоге Радищев вынужден снять власть закона. Он приходит к выводу, что «исполнение правил общежития есть легко», когда «закон неполагает добродетели преткновений... Но где таковое общество существует? Все известные нам, многими наполнены во правах и обычаях, законах и добродетелях, противоречиями. И от того трудно становится, исполнение должности человека и гражданина, ибо нередко оне находятся в совершенной противоположности»³⁵. Как видим, Радищев вновь приходит к неразрешимому противоречию.

Стремления революционного демократа никак не укладывались в узкие рамки начертанной им схемы общественного развития. А выйти за её пределы Радищев не мог в силу тех ограничений, которые накладывал исторический уровень его времени.

Наиболее ярко сказались противоречия во взглядах Радищева по вопросу об уничтожении самодержавия и крепостного права. С одной стороны, Радищев выступает как гневный обличитель самодержавной власти во всех её проявлениях. Ещё в самом начале своей литературной деятельности он утверждал, что «самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние» и что «неправосудие государя даёт народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему даёт закон над преступниками»³⁶. С другой стороны, мы видим его восхваляющим представителей этого «наипротивнейшего состояния» в тех случаях, когда, по его мнению, их действия направлены на благо народа. Такими он рассматривает действия Марка Аврелия, Антонина и др.

Идея просвещённого монарха, проповедовавшаяся мыслителями XVIII в., логически вытекала из идеалистического понимания исторического процесса, в котором решающее место отводилось разуму как двигателю истории. Естественно, что воплощением разумной идеи могла стать не только философ, но и монарх.

Когда в главе «Спасская полость» Радищев рассказывает свой сон и восклицает по поводу тернового кольца, одетого истиной в образе женщины на палец властителю: «О если бы оно пребывало хотя на мизинце Царей»³⁷; когда несколькими строками ниже он обращается к абстрактному «властителю мира» со словами: «Если читая сон мой, ты улыбнёшься с насмешкою, или нахмуришь чело, ведай, что виденная мною страница (истина. — Э. В.) отлетела от тебя далеко, и чертогов

³¹ Радищев А. Соч. Т. 1, стр. 233.

³² Например, судебный процесс над крестьянами, убившими своего помещика (гл. «Зайцово»), рекрутский набор (гл. «Городня») и даже история с бежавшим от суда купчиком (гл. «Спасская полость»).

³³ Радищев А. Соч. Т. 1, стр. 234.

³⁴ Там же, стр. 293.

³⁵ Там же, стр. 292.

³⁶ Там же. Т. 2, стр. 282, прим.

³⁷ Там же. Т. 1, стр. 257.

твсих гнушается»³⁸, — он как будто сохраняет веру в государя, способного понять идею справедливости и всего из неё следующего, и полагает, что вопрос заключается только в том, чтобы такой монарх появился. Но в противоположность французским энциклопедистам, из которых Вольтер и Дидро пытались найти просвещённого монарха в лице Екатерины II и Фридриха II, а другие рассылали письма ко всем государям, призывая их следовать предначертаниям учёных, — Радищев часто подвергал сомнению самую возможность появления такого монарха. И именно этот его скептицизм вёл его к революции, как к более реальному средству воплощения освободительных идей, хотя колебания по этому вопросу заметны у Радищева на протяжении всей его жизни.

Если мы обратимся к высказываниям Радищева, разбросанным во всех его произведениях, где он касается неревolutionного пути общественного преобразования, то убедимся, что в большинстве случаев такие мысли сопровождаются сводящими их на-нет сомнениями. Так, характеризуя Петра I, он говорит: «Мог бы Пётр славнее быть, возносясь сам и вознося отечество своё утверждая вольность частную», т. е. не только не отвергает такой исторической возможности, но даже жалеет, что она не была осуществлена. И вслед за этим Радищев заключает: «Нет и доскончания мира примера может быт[ь] nebude чтобы Царь успустил добровольно что ли из своая власти, седай на Престоле»³⁹.

Глава «Хотилово», представляющая утопический манифест о постепенном освобождении крестьян, написанный от лица верховной власти, также является свидетельством неутраченной Радищевым веры в способность монарха понять зло порабощения и отменить его своей властью. В этом документе, может быть, с наибольшей силой выступает противоречивость воззрений Радищева на ход истории. Бичуя со всей обличительной страстью крепостничество — это «чудище стоголаво», — Радищев в начале главы превозносит состояние России своего времени. Он говорит вещи, которые на общем фоне «Путешествия» воспринимаются только как едкая и злая сатира. Кто мог поверить, что Радищев искренне описывал Россию времён Екатерины как доведённую до «цветущаго состояния», что он полагал, будто «разум человеческий вольно разпростирая своё крылие, безпрепятственно и незаблуждённо возносится везде к величию, и надёжным ныне стал стражею общественных законоположений»⁴⁰; что «светильник науки, носясь над законоположением нашим, отличает ныне его от многих земных законоположений», что «равновесие во властях, равенство в имуществах отъемлют корень даже гражданских несогласий»⁴¹. Всё содержание «Путешествия» является яркой демонстрацией противоположных мыслей, жгучим протестом против произвола, невежества, беззакония, рабства. Как обличительный акт против самодержавия звучит и самый манифест, бичующий порабощение человека человеком, доказывающий незаконность и вред этого порабощения со всех точек зрения: и этической, и социальной, и экономической. И наряду с этими яркими страницами, полными революционного смысла, Радищев в том же манифесте излагает проект постепенного освобождения крестьян самодержавной властью. Надо сказать, что вопрос о преобразовании России путём реформ сверху выдвигался Радищевым не только в «Путешествии»: в дальнейшей своей деятельности он также не исключал этой возможности. Ступеню к изложенному в «Хотилове» проекту освобождения крестьян являлись его мысли, высказанные в неопубликованной работе «О подушном сборе»,

³⁸ Радищев А. Т. I, стр. 257.

³⁹ Там же, стр. 151.

⁴⁰ Там же, стр. 311.

⁴¹ Там же, стр. 312.

написанной, как это следует из её текста, в 1786 году⁴². В этой статье речь идёт не об освобождении крестьян, а только об облегчении крепостной зависимости в условиях крепостной системы.

Связь между отдельными положениями этой работы с проектом, изложенным в «Хотилове», с особой наглядностью выступает при их сравнении. Так, в «Хотилове» Радищев пишет: «Буде помещик возьмёт земледельца, в дом свой для услуг или работы, то земледелец становится свободен»⁴³. В работе «О подушном сборе» соответствующая мысль выражена почти теми же словами: «Помещик, которой не даёт земли крестьянам, теряет на них право своё»⁴⁴. Такое же сходство мы находим по вопросу о праве крестьян приобретать землю. В «Хотилове» эта мысль изложена следующим образом: «Дозволить крестьянину приобретать недвижимое имение, то есть покупать землю»⁴⁵. А в одном из примечаний на полях неопубликованной работы: «Дозволять крестьянам покупать земли у помещиков, выгода сего положения»⁴⁶.

В обоих случаях предложенные Радищевым мероприятия по самому своему характеру не нарушали существа крепостнической системы, не уничтожали феодальной формы собственности, а только облегчали участь крепостных. Зато по вопросу о праве крестьян на земельную собственность равноценные места из обеих работ несколько расходятся. В работе «О подушном сборе» Радищев констатирует, что земля является собственностью помещиков, но поскольку крестьяне платят подушную подать, они должны владеть землёй, в противном случае помещик теряет на них своё право⁴⁷. В «Хотилове» та же причина: обложение подушной податью становится основанием для установления полной, уже в буржуазном понимании, собственности крестьянина на обрабатываемый им участок. Таким образом, наряду с революционным решением аграрной проблемы, у Радищева существовали и решения компромиссные.

И всё же в самом конце главы «Хотилон», после изложения всего манифеста, в заключительных словах автора опять видна горечь скептицизма. Радищев так кончает эту главу: «Но теперь дуга коренной лошади звенит уже в колокольчик и зовёт меня к отъезду; и для того я за благо положил, лучше рассуждать о том, что выгоднее для едущего на почте, что бы лошади шли рысью или иноходью, или что выгоднее для почтовой клячи, быть иноходцем или скакуном? нежели заниматься тем, что несуществует»⁴⁸. Очевидно, самодержавная кляча не могла стать ни скакуном, ни иноходцем. И поэтому проект освобождения крестьян, который сам по себе реален и который Радищев, должно быть, обдумывал с большой тщательностью, вряд ли, с его точки зрения, мог быть осуществлён.

Именно сомнения Радищева в осуществимости путём реформ того, что в теории казалось таким неоспоримым, приводили его к поискам других путей, тех, которые насильственным образом могли бы восстановить нарушенное самовластием общественное равноправие. Революция оказалась неизбежной потому, что та часть общества, которая поработала другую, в силу своей корыстности неспособна внять голосу истины, добродетели, справедливости и принять путь, начертанный разумом. «Един предразсудок мгновения... единая корысть отъемлет у нас взор, и в тем-

⁴² Подлинная рукопись работы хранится в архиве Ленинградского отделения Института истории (ЛОИИ) Академии наук в собрании А. Р. Воронцова, д. № 398. В тексте Радищев называет 1786 год «нынешним».

⁴³ Радищев А. Соч. Т. 1, стр. 322.

⁴⁴ Архив ЛОИИ, д. 398, л. 55, правая колонка.

⁴⁵ Радищев А. Соч. Т. 1, стр. 322.

⁴⁶ Архив ЛОИИ, указ. собрание, л. 59.

⁴⁷ Там же, л. 54 оборот, левая колонка.

⁴⁸ Радищев А. Соч. Т. 1, стр. 323.

ноте беснующим, нас уподобляет»⁴⁹. В силу этой неспособности уничтожение несправедливости осуществится насильственным путём, и его осуществит та часть общества, которая на своих плечах несёт бремя несправедливости, так как «поток заграждённый в стремлении своём, тем сильнее становится, чем твёрже находит противустояние» и, «прорвав оплот одиножды, ни что уже в разлитии его противиться ему невозможно»⁵¹.

Прогрессивная сторона во взглядах Радищева оставалась всегда ведущей. Поэтому хотя закон и превыше всего, но его надлежит нарушать, если он препятствует народному благу. Поэтому надо революционным путём уничтожить самодержавие, так же как и самовластие помещика, если этого нельзя добиться путём реформ. Поэтому «счастливые народы, где случай вольность даровал», должны блюсти этот «дар благой природы»⁵¹, иначе свет, который им светит, может превратиться в тьму. Поэтому, наконец, вопреки своей схеме общественного развития, он мечтает о том времени, когда его «отечество драгое» организуется в вольное объединение народов, которые

Незыблемы свои кормила
Украсят дружества венцем,
На пользу всех ладью направят,
И волка хищного задавят,
Что чтит слепец своим отцем⁵².

Горячий патриотизм Радищева, его беспредельная любовь к родине поддерживали в нём веру, что «закон природы», согласно которому на смену вольности приходит порабощение, этот закон будет уничтожен в его отечестве и история пойдёт по новому пути. «Приидет вожделем время», когда «встречат заклепы тяжкой ночи» и явится день «избраннейший всех дней»⁵³. Этой верой в светлое будущее России Радищев заканчивает оду «Вольность» и таким заключением утверждает конечное торжество свободы в своей стране.

Хотя представления Радищева об историческом процессе в основе своей идеалистичны, тем не менее мы находим у него попытки объяснить этот процесс материалистически. Радищев говорит о влиянии среды на развитие человеческого общества. Правда, он имеет в виду главным образом среду географическую, но всё же материальную конкретную действительность. В философском трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии», начатом Радищевым сразу по приезде в Илимск, он пишет: «Физические причины, на умственность человеческую действующие, можно разделить на два рода». К первому роду он относит причины, действующие главным образом на психику человека. «Другие же причины действуют неприметным образом, и сии суть общественны, и действия оных приметны над целыми народами и обществами»⁵⁴. В число таких причин Радищев включает действие климатических условий: «Климат действует на все тела без различия» и «действие климата если не мгновенно, но оно чрезвычайно»⁵⁵. В качестве примера он приводит европейцев, переселившихся в Индию, Африку и Америку. «Какая в них ужасная перемена! — восклицает он. — Англичанин в Бенгале забыл великую хартию и habeas corpus; он паче всякого Индейского Набоба»⁵⁶.

В основе наивных представлений Радищева о том, что климат изменяет характер европейцев настолько, что последние, забывая свои домаш-

⁴⁹ Радищев А. Соч. Т. 1. стр. 314.

⁵⁰ Там же, стр. 320.

⁵¹ Там же, стр. 14.

⁵² Там же, стр. 16.

⁵³ Там же, стр. 16 и 17.

⁵⁴ Там же. Т. 2, стр. 63.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, стр. 64.

ние законы, превращаются в колониях в жесточайших угнетателей, лежит то же идеалистическое понимание исторического процесса, несмотря на его попытку вывести это явление из объективных условий. Радищев не мог понять природы колониальной эксплуатации. Но самый факт этой эксплуатации он подчёркивал не однажды, обличая европейцев, уничтожавших в Америке коренное индейское население, и американцев, установивших рабский труд негров.

Как известно, решающую роль климата в историческом процессе усматривали Монтескьё на Западе и Болтин в России. Монтескьё ставил в зависимость от природных условий формы правления. В соответствии с климатическими и другими природными условиями, действующими в первую очередь на человеческую психику, по его мнению, устанавливаются определённые формы правления — республика, монархия, деспотия. Так, климат Англии способствует тому, «чтобы человечеством управляли более законы чем люди»⁵⁷, а климат жарких стран способствует рабству, так как там принудить к работе может только насилие.

Радищев резко критикует эту теорию Монтескьё. Среди неопубликованных его рукописей имеется следующее замечание, направленное против Монтескьё и Руссо: «Монтескию и Руссо, с умствованием много вреда сделали. Один мнимое нашёл разделение правлений, имея в виду древние республики, ассирийские правления и Францию. Забыл о соседях своих. Другой, не взяв на помощь историю, вздумал, что доброе правление может быть в малой земле, а в больших должно быть насилие»⁵⁸.

Радищев опровергает разделение правлений в соответствии с климатом, эту действительно антиисторическую, метафизическую мысль Монтескьё, при всех симпатиях последнего к республиканской форме правления увековечивавшую порабощение.

И столь же вредным и антиисторичным Радищев считает положение Руссо, ставившего формы правления в зависимость от территориальной величины государства и утверждавшего, что демократическое правление возможно только в очень малых странах. Политический смысл этого возражения не оставляет сомнений. Из теорий Монтескьё и Руссо следовало, что Россия, например, не может пойти по демократическому пути. Стоит обратить внимание и на другую, чисто теоретическую сторону этого возражения. Радищев упрекает Руссо в том, что тот не взял «на помощь историю». Это был законный упрёк, который мог быть распространён на большинство французских просветителей, представлявших историю как цепь несправедливостей и хаотическую смену событий. Радищев искал закономерности в историческом развитии, и его взгляды на прошлое были в значительной степени проникнуты историзмом, хотя и незрелым и часто непоследовательным: он не ставил климат на первое место в действии внешних причин: «Умственность» человека «паче того образуется... обычаями, нравами, а первый учитель в изобретениях был недостаток. Разум исполнительный в человеке зависел всегда от жизненных потребностей»⁵⁹. Здесь Радищев уже отступает от идеалистического представления о ходе исторического развития и даёт ему материалистическое объяснение. Более того: несколькими строками ниже он говорит о роли земледелия в процессе образования государств и приходит к выводу, что частная собственность на землю положила начало порабощению человека человеком. «Земледелие произвело раздел земли на области и государства, построило деревни и города, изобрело ремёсла, рукоделия, торговлю, устройство, законы, правления. Как скоро сказал человек: сия пядень земли моя! он пригвоздил себя к земле

⁵⁷ «История философии» под ред. Г. Ф. Александрова и др. Т. II, стр. 310. Госполитиздат. 1941.

⁵⁸ Архив ЛОИИ, указ. собрание, л. 398, л. 159.

⁵⁹ Радищев А. Соч., т. 2, стр. 64.

и отверз путь зверообразному самовластию, когда человек повелевает человеком»⁶⁰.

Так во взглядах Радищева идеалистическое представление о ходе исторического развития переплеталось с материалистическим пониманием основ этого процесса.

Но мы встречаем у него и противоположное объяснение происхождения собственности на землю и причин порабощения. Так, в «Путешествии», спрашивая: «кто же к ниве ближайшее имеет право, буде недела-тель ей?»⁶¹. — Радищев обращается за ответом к «первоначальному» обществу и утверждает, что «в начале общества, тот кто ниву обработать может, тот имел на владение ею право»⁶². Здесь собственность на землю не влечёт за собой неравенства, а происхождение порабощения объясняется внешними причинами: «Зверской обычай, поработать себе подобного человека, возродившейся в знойных полосах Ассии, обычай диким народам приличный; обычай, знаменующий сердце окаменелое, и души отсутствие совершенное, простерся на лице земли быстротечно, широко и далеко»⁶³. Вновь Радищев приходит к неразрешимым противоречиям. Известно, что он выступал с защитой буржуазной собственности, нигде не подвергая сомнению её социальную справедливость, и противопоставлял её собственности феодальной. В то же время эта собственность, которая начертана на знамени вольности как основа последней, оказалась причиной неравенства и порабощения. Это — первое противоречие, которое показывает, как субъективные демократические стремления Радищева расходились с объективными результатами, к которым они неминуемо вели. Это — противоречие будущего капиталистического общества. Другое противоречие состояло в том, что порабощение в одном случае имело своим источником частную собственность на землю, а в другом казалось принесённым извне, нарушившим «естественное право» человека. Это противоречие между элементами идеализма и материализма в понимании Радищевым исторического процесса характерно для глашатаев восходящей капиталистической формации.

Специфические условия социально-экономического развития России, в которой значительная часть предпролетариата была закрепошена, не выделилась из общей крестьянской массы и совместно с последней выступала против самодержавия в крестьянской войне под руководством Пугачёва, породили более сложную фигуру мыслителя-революционера, чем это имело место на Западе. Если, по выражению Энгельса, на Западе «вместе с революционными попытками ещё не сложившегося класса возникали и соответствующие теории... в XVIII — уже прямо коммунистические теории (Морелли и Мабли)»⁶⁴, то в России объективная защита интересов всего «третьего сословия» и субъективная наиболее угнетённых слоёв нашли своё зародышевое воплощение в одной теории, выразителем которой был Радищев. Поэтому в его взглядах отразились противоречия его эпохи и в зародыше — противоречия будущей общественно-экономической формации, поэтому надежда на «просвещённого монарха» уживалась в нём рядом с идеей насильственного свержения самодержавия.

Господствовавшая в XVIII в. схема развития русской истории являлась открытой апологией самодержавия. Созданная в период укрепления дворянской монархии, она оставалась в силе вплоть до появления буржуазной историографии и фактически была поддержана буржуазными историками XIX в., слегка лишь подкрасившими её розовой водичкой либерализма. Эта схема впервые была развита В. Н. Татищевым. Напомним её содержание: Россия сложилась как наследственная монархия славян-

⁶⁰ Радищев А. Соч. Т. 2, стр. 64.

⁶¹ Там же, Т. 1, стр. 314.

⁶² Там же, стр. 315.

⁶³ Там же, стр. 312.

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 18.

ских государей, продолженная Рюриковичами. После смерти Мстислава (1134) на месте монархии «сделалась аристократия или паче расчленённое тело»⁶⁵. Иваном III снова было восстановлено монархическое правление. Татищев следующим образом сформулировал политическое значение этой схемы: «Из сего всяк может видеть, сколько монаршеское правление государству нашему прочих полезнее, чрез которое богатство, сила и слава государства умножается, а через прочие умалется и гибнет»⁶⁶.

При таком состоянии официальной историографии выступил Радищев со своей схемой исторического процесса, доказывавшей порочность и вред самодержавия.

Основное, что отличает Радищева от современных ему историков, — это его определение исторического процесса как борьбы противоположностей, понимаемой как борьба свободы против самовласти. Не сумев раскрыть социально-экономических причин, породивших эту борьбу, он всё же увидел, что мир поделён на угнётённых и угнетателей, что их борьба и составляет исторический процесс.

Радищев был первым, кто определил народ как самостоятельную силу, действующую на исторической сцене, первым, у кого народ стал субъектом исторического процесса.

В «Путешествии» есть такая фраза: «Бурлак, идущий в кабак повеся голову и возвращающийся обгадрённой кровию от оплеух, многое может решить доселе гадательное в Истории Российской»⁶⁷. Содержание этой фразы настолько значительно, что она не может не привлечь к себе внимания. Однако Радищев не развивает её, обрывая на ней предшествовавшее ей размышление о характере русского человека, отражённом в народной песне. Вот что он говорит: «Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто скорбь душевную означающее. Все почти голоса таковых песен суть тону мягкого. — На сем музыкальном разположении народного уха, умей учреждать бразды правления. В них найдешь образование души нашего народа. Посмотри на русского человека; найдешь, его задумчива... Если что либо случится не по нём, то скоро начинается спор или битву»⁶⁸. Это размышление раскрывает смысл интересующей нас цитаты. Русский человек мягок и миролюбив по своему природному складу. Века порабощения наложили на него печать задумчивости, и в его песнях поэтому звучит душевная скорбь. Радищев знает, откуда происходит эта задумчивость, эта «скорбь душевная». Но он знает и другое, — что русский человек, несмотря на своё миролюбие, выведенный из границ терпения, начнёт битву. Небольшой пример с бурлаком, которого что-то расшевелило в кабаке, и он вступил в битву, свидетельствует, что народная масса — неисчерпаемый источник потенциальной революционной энергии, которая время от времени прорывается. И пусть бурлак пока что вернулся обгадрённый кровью, он ещё вернётся победителем. И именно потому он «многое может решить доселе гадательное в Истории Российской», что народу принадлежит решающая роль в историческом процессе.

В будущем историческом процессе роль народа возрастёт ещё больше. Уничтожение самодержавной власти должно произойти «от самой тяжести порабощения», потому что века порабощения не могут сломить силы народа, наоборот, «русской народ очень терпелив, и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничто не может его удержать, чтобы непреклонился на жестокость»⁶⁹. И хотя Радищев предупреждает «своих любезных сограждан» о грозящей им опасности,

⁶⁵ В. Н. Татищев. Разговор о пользе наук и училищ, стр. 138. М. 1887.

⁶⁶ Цит. по книге П. Н. Миллюкова «Главные течения русской исторической мысли», стр. 115. СПб. 1913. Изд. 3-е.

⁶⁷ Радищев А. Соч. Т. 1, стр. 230.

⁶⁸ Там же, стр. 229—230.

⁶⁹ Там же, стр. 272 — 273.

когда «мы узрим окрест нас мечь и отраву», тем более, что «чем медлительнее и упорнее мы были в разрешении их уз, тем стремительнее они будут во мщении своем»⁷⁰, однако, он ждёт этого часа, когда ударит колокол и народные массы выйдут на историческую сцену как активная общественная сила. «Скоро бы из среды их, изторгнувшись великие мужи, для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены.— Не мечта сие, но взор проникает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие»⁷¹.

Итак, Радищев не только верит, что народ имеет нужные силы, чтобы сокрушить власть самодержавия, но и что сил народных вполне достаточно, чтоб из своей среды выдвинуть подлинно народную власть, таких государственных деятелей, которые будут заботиться о благе народа, а не угнетать его.

Вот почему рядом с такими политическими фигурами мировой истории, как Александр Македонский, Марк Аврелий, Калигула, Чингисхан, Кромвель и др., Радищев ставит вождя крестьянской войны Степана Разина⁷².

В связи с этим значительный интерес представляет точка зрения Радищева на роль личности в истории. Он начинает с утверждения, что «обстоятельства делают великого мужа» и что в других условиях Кромвель «прослыл бы беспокойным затейником и часто бы бит был шлепами»; Фридрих II «не на престоле остался бы в толпе посредственных стихосплетчиков»⁷³, так же как «Чингис и Стенька Разин в других положениях, нежели в коих были, были бы не то, что были»⁷⁴. Таким образом, появление великих людей обусловлено обстоятельствами, причинами, находящимися в объективной действительности, и не будь этих обстоятельств, те же самые люди не стали бы великими. Самый ход истории порождает великих людей, и они появляются тогда, когда почва для этого «уготовлена». «Редко возмозгает тот или другой вознестися превыше своего времени, превыше окружностей своих»⁷⁵, потому что если почва для появления великого человека не «уготовлена», то «Иоган Гус издыхает во пламени, Галилей влечется в темницу, друг ваш в Илимск заточается. Но время, уготовление, отъемлет все препоны»⁷⁶. Радищев не довёл до конца своей мысли, не показал, какова же роль великих людей в историческом процессе, но он поставил вопрос об общих причинах, вызывающих их появление, и решил этот вопрос материалистически. Передовые мыслители того времени рассматривали великих людей главным образом с точки зрения врождённых свойств. Радищев сумел подняться над таким идеалистическим представлением и отвести решающее место объективным условиям.

У Радищева мы встречаем представление, правда, ещё не чёткое, о том, что самодержавная власть — это не только самовластье государя, стоящего над массой народа. По мнению Радищева, власть государства обусловлена и опирается на господствующий класс. Мысль эта не оформлена, но она намечается в отдельных высказываниях.

Ещё в «Житие Федора Васильевича Ушакова» Радищев говорит: «Из нескольких миллионов ему (государю.— Э. В.) подвластных едва единое сто служат ему; все другие (източая кровавые слёзы, при-

⁷⁰ Радищев А. Соч. Т. I, стр. 320.

⁷¹ Там же, стр. 368 — 369.

⁷² См. там же. Т. I, стр. 178; т. 2, стр. 128.

⁷³ Там же. Т. 2, стр. 129.

⁷⁴ Там же, стр. 128.

⁷⁵ Там же, стр. 129.

⁷⁶ Там же.

знаться в том должно), все другие служат вельможам»⁷⁷. Уже в самой постановке вопроса о роли высшего слоя дворянства в самодержавном государстве видна мысль, что этот слой определяет действия «самовластителя». Радищев стремится узнать, кто решает судьбу служилого дворянства, от кого зависит получение «чина», места или награждения, и приходит к выводу, что «Государь не редко бывает в сем случае ничто иное, как корабль, направляемый тем ветром, который других превозмогает»⁷⁸.

Но в «Путешествии» имеется уже более ясное определение роли дворянства в самодержавном государстве. В главе «Хотиллов» Радищев говорит о каких-то попытках «правителей нашего народа», которые «старались положить предел стоглавному сему злу»⁷⁹ — крепостному праву. При этом он ссылается на то, будто этот факт известен из летописей и из «деяний отцев наших». Радищев здесь умышленно грешил против истины, он не привёл, как делал это обычно, ни одного имени и ни одного факта, свидетельствующего о таких намерениях. Приём общей исторической ссылки Радищев применяет для большей убедительности своих дальнейших доказательств; он утверждает, что этому мифическому доброму намерению помешали дворяне. «Державные их (государей.— Э. В.) подвиги утщетились, известным тогда гордыми своими преимуществами в государстве нашем, чиносостоянием, но ныне обветшалым и в презрение впавшим, дворянством наследственным», а поэтому «державные предки наши, среди могущества сил скипетра своего, немощны были на разрушение оков гражданския неволи»⁸⁰. Таким образом, напрашивается вывод, что самодержавная власть не может действовать против воли и интересов господствующего сословия. Эту мысль Радищев повторяет и в другом контексте. В «Проекте в будущем», предлагая план освобождения крестьян сверху, он говорит: «Вышняя власть недостаточна в силах своих, на претворение мн.ий мгновенно», а поэтому он «начертал путь повременным законоположениям, к постепенному освобождению земледельцов в России»⁸¹.

Таким образом, если Радищев не мог ещё определить высшую власть как выразителя интересов господствующего класса, то во всяком случае он отметил, что власть государя обусловлена стремлениями этого класса, и государь не может действовать вопреки его интересам. К вопросу о значении дворянства в самодержавном государстве Радищев подошёл исторически, отметив, что, будучи «полезно государству в начале своим, личными своими заслугами; ослабело оно в подвигах своих наследственностью»⁸².

Радищев был современником таких крупнейших исторических событий, как восстание под руководством Пугачёва, борьба за независимость Америки и буржуазная революция во Франции. Эти события не могли не волновать его, поскольку решали те основные вопросы исторического развития, которые составляли сущность его теории. При первом взгляде кажется, что Радищев приветствовал только установление республики в Америке, хладнокровно отнёсся к Пугачёву и даже недоброжелательно к французской революции. Если Радищев относил Разина к числу исторических личностей, то Пугачёва он называл не иначе, как «самозванец», который «прельщением» увлёк крестьян, а о крестьянской войне писал с такой осторожностью, что только самое внима-

⁷⁷ Радищев А. Соч. Т. 1, стр. 157.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же, стр. 312.

⁸⁰ Там же, стр. 312 — 313.

⁸¹ Там же, стр. 322.

⁸² Там же, стр. 323.

тельное рассмотрение всех его высказываний по этому поводу позволяет обнаружить его симпатии к восставшим.

Сказанной вскользь фразой «в бывшее Пугачёвское возмущение, когда все служители вооружились на своих господ»⁸³, Радищев показывает не только размах крестьянской войны, но и тот мощный резонанс — поскольку речь идёт обо «всех служителях», — который эта война получила среди закрепощённого крестьянства по всей стране.

Радищев показывает, что у крестьян нет другого способа сбросить крепостной гнёт, кроме насильственной революции. Он рассказывает эпизод, как крестьяне везли помещика, бесчестившего их жён и дочерей, на казнь к Пугачёву. Радищев обращается к ним со следующими словами недоумения: «Глупые крестьяне, вы искали правосудия в самозванце! но почто не поведали вы сего законным судиям вашим?» Он выражает уверенность, что законные власти предали бы помещика «гражданской смерти, и вы бы невинны остались». «Но крестьянин в законе мертв», — продолжает он. Отсюда следует, что не могут крестьяне обратиться к «законным судиям», и поэтому им не остаётся ничего другого, как предать помещика суду Пугачёва. Эта едкая ирония над законами Екатерины, покровительствовавшими помещицкому произволу, — отправной момент для доказательства, что у крестьян нет и быть не может иного способа защиты, кроме расправы со своими угнетателями. И поэтому Радищев, отметив, что крестьянин в законе мертв, восклицает: «Нет, нет, он жив, он жив будет, если того восхочет»⁸⁴.

Радищев показывает ожесточённый характер крестьянской войны. Его описание сходно с теми местами из «Путешествия», где он призывает к восстанию. Вот что он пишет о крестьянской войне под руководством Пугачёва: «Приведите себе на память прежняя повествования. Даже облыщение, koliko яростных сотворило рабов на погубление господ своих! Прельщенные грубым самозванцем текут ему во след, и ничего толико нежелают, как освободиться от ига своих властителей; в невежестве своем другого средства к тому неумыслили, как их умерщвление»⁸⁵. А вот другой отрывок, в котором он призывает крестьян к восстанию: «О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим главы наши, главы безчеловечных своих господ, и кровию нашею обогрили нивы свои! что бы тем потеряло государство?»⁸⁶ Сравнение этих двух отрывков приводит к выводу, что крестьянская война под руководством Пугачёва шла, по мнению Радищева, таким именно путём, который он считал неизбежным.

Симпатии Радищева к крестьянской войне выражены в очень острой форме. «Путешествие» писалось для подцензурного издания, и поэтому нельзя было подчёркивать то, к чему верховная власть относилась с особенной чувствительностью. Симпатии автора следовало читать между строк, в его призывах к восстанию, в его утверждениях, что такое восстание неизбежно и законно. В этих словах проглядывала вера, что восставший народ выдвинет из своей среды будущих руководителей государства, которые сумеют руководить значительно лучше, чем современная власть.

Можно объяснить далёкие от положительных отзывы Радищева о самом Пугачёве теми же цензурными условиями. Но думается, что такое объяснение будет недостаточным. Хотя Пугачёв выступил с манифестами, дававшими крестьянам личную свободу и собственность на землю, но, объявив себя Петром III, он сохранил ту же внешнюю форму власти — царизм, который являлся «наипротивнейшим человеческому естеству состоянием». Поэтому самый сильный упрёк, который бро-

⁸³ Радищев А. Соч. Т. I, стр. 305.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же, стр. 320.

⁸⁶ Там же, стр. 368.

сает Пугачёву Радищев,— это слово «самозванец», и не потому, что Пугачёв был не «настоящим» царём, а потому что он принял ту форму власти, в которой Радищев видел корень всех народных бед. Поскольку Радищев относился к крестьянской революции, как к вполне реальной и неизбежной, форма власти, которая должна была установиться в результате такой революции, представлялась ему отнюдь не как царистская.

Взгляд Радищева на крестьянство как на движущую силу революции сказался и на его оценке буржуазной революции во Франции 1789—1793 годов.

Исследователь творчества Радищева, В. П. Семенников, посвятивший специальную статью отношению Радищева к французской революции, приходит к выводу, что Радищев не принял эту революцию потому, что видел в ней. «необузданность, дошедшую до последнего предела»⁸⁷. Но мы знаем, что Радищева не утешала жестокость крестьянских восстаний и поэтому он призывал к насильственному сокрушению помещичьей власти, призывал жечь овины и риги, уничтожать орудия эксплуататоров⁸⁸. Почему же он испугался «необузданности» революции во Франции?

Обратимся к непосредственным высказываниям Радищева о французской революции. В главе «Торжок» («Путешествие из Петербурга в Москву»), посвящённой цензуре, Радищев пишет⁸⁹: «Книгопечатание, до перемены 1789 года, во Франции последовавшей, нигде толико стесняемо не было как в сем государстве»⁹⁰. «Но дивись несообразности разума человеческого,— продолжает далее Радищев.— Ныне, когда во Франции все твердят о вольности, когда необузданность и безначалие дошли до края возможного, цензура во Франции неуничтожена. И хотя всё там печатается ныне невообразно, но тайным образом. Мы недавно читали, да возплачут Французы о участи своей, и с ними человечество! мы читали недавно, что народное собрание, толико же поступая самодержавно, как доселе их Государь, насильственно взяли печатную книгу, и сочинителя оной отдали под суд, за то, что дерзнул писать против народного собрания. Лафает был исполнителем сего приговора. О Франция! ты еще хождаешь близ Бастильских пропастей»⁹¹.

Как видим, здесь нет и речи о том, что французская революция преступила какие-то пределы, которые казались Радищеву крайними. Наоборот, он скорее опасается, что во Франции произошла только смена власти, что национальное собрание поступает «толико же самодержавно», как ранее поступал Людовик. Недаром в «Песни исторической» он восклицает:

Ах, сия ли участь смертных,
Что и казнь тирана люта
Не спасает их от бедствий;
Коль мучительство нагнуло
Во ярем высоку выю,
То что нужды, кто им правит;
Вожь падет, лицо сменится,
Но ярем, ярем пребудет⁹².

Именно этим можно объяснить отношение Радищева к установлению независимой республики в Америке. В оде «Вольность» он пишет:

⁸⁷ Семенников В. Радищев. Очерки и исследования, стр. 51. М.-Л. 1923.

⁸⁸ См. Радищев А. Соч. Т. 1, стр. 326.

⁸⁹ Это место было вставлено Радищевым после того, как рукопись прошла цензуру.

⁹⁰ Радищев А. Соч. Т. 1, стр. 347. Даже такая демагогическая вещь, как «Наказ» Екатерины II, была запрещена в дореволюционной Франции, и лица, читавшие её, подвергались преследованиям.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же, стр. 108. Существует предположение, что Радищев здесь подразумевает дворцовый переворот 11 марта 1801 года.

Возри на беспредельно поле,
Где стерта зверства рать стоит:
Не скот тут согнан поневоле,
Не жребий мужество дарит.
Не гряда правильно стремится,—
Вождем тут воин каждой зрится,
Кончины славной ищет он.
О воин непоколебимой,
Ты есть и был непобедимой,
Твой вождь — свобода, Вашингтон⁹³.

И в то же время в «Путешествии» он подвергает уничтожающей критике американскую «свободу». «Заклав Индийцев единовременно, злобствующие Европейцы, проповедники миролюбия во имя бога истины, учителя кротости и человеколюбия, к корени яростного убийства завоевателей прививают хладнокровное убийство порабощения, приобретением невольников куплею. Сии то несчастные жертвы знойных берегов Нигера и Сенагала, отринутые своих домов и семейств, преселенные в неведомыя им страны под тяжким жезлом благоустройства, вздирают обильныя нивы Америки, трудов их гнушающей. И мы страну опустошения назовем блаженною для того, что поля ея непоросли тернием и нивы их обилуют произращениями разнovidными. Назовем блаженною страну, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысящи неимеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова. О дабы опустети паки обильным сим странам! дабы терние и волчец простирая корень свой глубоко, изтребил все драгие Америки произведения!»⁹⁴. Содержание выдержки из оды «Вольность» сводится к нападкам на этот гневный обличитель. Республиканская форма власти не обеспечила действительной свободы для народа, для тех, чьими руками создается благополучие государства. Ни в Америке, ни во Франции не были осуществлены те демократические свободы и равенство, за которые боролся Радищев. Требования русских революционных демократов были более широкими, более народными, чем те результаты, которые приносили буржуазные революции.

Характерно, что в главе «Тверь», в которую Радищев включил три четверти содержания оды «Вольность», он опускает строфы об Америке. Нельзя согласиться с мнением исследователей, объясняющих купюры цензурными условиями. В тех отрывках из «Вольности», которые Радищев включил в главу, есть места значительно более «криминальные», чем строфы об Америке, — хотя бы похвала Кромвелю. Как предполагают, ода была написана между 1781 и 1783 гг., в то время, когда революционная борьба североамериканских колоний за независимость ещё продолжалась. Радищев не мог тогда ожидать, что она принесёт столь противоположные плоды, поэтому он горячо её приветствовал. Когда же стало ясно, чем является американская «свобода», он не нашёл нужным включать в «Путешествие» те отрывки, в которых высказал своё сочувствие американской борьбе за независимость; напротив, как видим, он бичевал буржуазную Америку — страну рабства⁹⁵.

События русской истории освещаются Радищевым с той же точки зрения борьбы вольности и самовласти. Недавно обнаруженные в собрании А. Р. Воронцова выписки Радищева по русской истории⁹⁶, сопровождающиеся его чрезвычайно интересными замечаниями и ком-

⁹³ Радищев А. Соч. Т. 1, стр. 11.

⁹⁴ Там же, стр. 316—317.

⁹⁵ См. там же, стр. 324.

⁹⁶ Эти выписки относятся, очевидно, к 70-м годам XVIII века. Они сделаны из первого и второго томов «Истории» Татищева, третий же том, вышедший в 1774 году, здесь не фигурирует, что даёт повод предполагать, что они писались до выхода третьего тома. Не исключена, разумеется, возможность, что выписки делались и позже и что выписки из третьего тома до нас не дошли. Другой показатель раннего их происхождения — почерк Радищева, который к середине 80-х годов несколько изменился, почерк же начала 80-х годов схож с почерком выписок.

ментариями, показывают, на каких явлениях русской истории сосредоточивалось главное внимание Радищева. Эти выписки сделаны из летописи Нестора, первого и второго томов «Истории» Татищева и «Ежемесячных сочинений» за 1761 год. Больше половины выписок касаются формы власти в древней Руси и, несомненно, были собраны, чтобы доказать отсутствие тогда единовластия. Здесь и выписки, свидетельствующие о том, что почти во всех русских княжествах были народные собрания⁹⁷, и выписки, касающиеся договоров князя с новгородцами, владимирцами и пр., говорящие об ограничении великокняжеской власти съездами князей или мнением бояр. Вопрос об эволюции форм власти в истории России был одним из центральных в исторических изысканиях Радищева. И в исторических выписках, и в «Путешествии», и в более поздней незаконченной работе «Сокращенное повествование о приобретении Сибири» он уделяет большое внимание новгородской «вольности» и дальнейшему уничтожению её.

В «Сокращенном повествовании» Радищев пишет: «Вечевый колокол, палладиум вольности Новгородской, и собрание народа, об общих нуждах судящего, кажется быть нечто в России древнее, и роду Славянскому сосущественно, с того может быть даже времени, одно, как Славяне начали жить в городах; другое, когда Христианский закон перенесен в Россию и при церквах колокола возведены»⁹⁸. В сохранившемся обычае созывать народ колокольным звоном, «когда помощь его нужна для спасения отечества», и в крестьянских сходах он видит следы этой древней вольности.

Древний Новгород представлялся Радищеву вольным государством, в котором хотя и «были Князья, но мало имели власти» и «народ в собрании своем на вече, был истинный Государь»⁹⁹. Он идеализирует новгородскую вольность, противопоставляя её самодержавию, подобно тому, как в «Песни исторической» идеализирует Афины, Спарту, Рим времён республики. Политический смысл этой идеализации ясен. Поэтому Радищев не видит положительного значения присоединения Новгорода к Москве в период «собираия» русских земель и рассматривает победу Москвы только как результат применения оружия.

Большое внимание уделяет Радищев в исторических выписках вопросу крепостной зависимости. Он отмечает формы эксплуатации на ранних ступенях русской истории: сбор дани и оброков¹⁰⁰. Большинство этих выписок свидетельствует о том, что дань устанавливалась при покорении и что сумма подати определялась принадлежностью облагаемого к определённой классу: большая сумма взималась с бояр и наименьшая — с крестьян.

Подробно останавливаясь на статьях Русской Правды, Радищев стремится определить различие в социальном состоянии разных слоёв населения древней Руси. Относясь к истории как к закономерному процессу, он отмечал в ней не только отрицательные явления, подобно большинству французских просветителей, но и то положительное, что свидетельствовало о её движении по пути прогресса. Для него история человечества не ограничивалась историей «угнетения его кучкой мо-

⁹⁷ «Новгородцы же изначала и смольняне и княие и полочане и все славяне егда на вече сходятся, что старейшие задумают на том и пригороды станут» (Архив ЛОИИ, указ. собрание, д. 398, л. 78, левая колонка).

⁹⁸ Радищев А. Соч. Т. 2, стр. 145.

⁹⁹ Там же. Т. 1, стр. 262.

¹⁰⁰ «По Несторову сказанию князья ездили зимою для сборов с подданных дани и оброков, ходили по виру» (Архив ЛОИИ, указ. собрание, д. 398, л. 78, правая колонка); «Олег учредил давать варягам от подвластных ему народов дань по 300 гривн. на год, что продолжалось до смерти Ярослава» (там же, л. 79, левая колонка); «Владимиру I победив вятичи брал дань от плуга пошлую как его отец» (там же, л. 79, правая колонка); «Новгородцы обещаясь помогать Ярославу против Святополка и Болеслава, и определили собирать подать по четыре куны от крестьян и от старост по пяти гривен, а от бояр по 18 гривен» (там же).

шенников»¹⁰¹, как это представлял себе Дидро. В выписках Радищев останавливается, например, на фактах из истории русской культуры. Он записывает, что «в России по Ярославле I были многие философы, но книги их пропали»¹⁰²; он отмечает факт постройки первого каменного кремля в Москве Дмитрием Донским, организацию первой в России типографии, дату выхода первой печатной книги и т. д.

Радищев рассматривает ход истории как процесс, в котором положительные явления имеют отрицательную сторону, и наоборот. В неопубликованной незаконченной работе «О добродетелях и награждениях», очевидно, одной из глав его законодательных проектов¹⁰³, он пишет: «Если кто хотя мало вникал в деяния человеческие, если кто внимательно читал историю царств, тот ведает убедительно, что где более было просвещения, где оно было общественнее, там более было и превратности, столь добро и зло на земли не разделимы»¹⁰⁴. Поэтому в его исторических выписках, как и в других произведениях, мы встречаем стремление исследовать положительное и отрицательное значение исторических фактов.

Несмотря на его отрицательное отношение к присоединению Новгорода к Москве Иваном III, в целом он положительно оценивает деятельность последнего. В одном из отрывков, относящемся, повидимому, также к законодательным проектам, Радищев пишет: «Претерпев многие перемены, раздробленная на уделы Россия наследством Владимира Святого, стала наконец соединена при царе Иване Васильевиче, который изгребляя остатки вольности Новгородской, отверг путь к последовавшим (неразборчиво) завоеваниям и покорении царства Казанского, Астраханского возбудил государственные силы, всегдашним разделением от ига татарского в недействие пришедшие. Введением лучша в судах и в воинстве порядка он положил основание того величества, которого Россия достигла»¹⁰⁵.

С ещё большей наглядностью историзм Радищева сказался в оценке деятельности Петра I. Здесь взгляды Радищева претерпели определённую эволюцию. В «Письме к другу, жительствующему в Tobольске, по долгу звания своего», написанном в 1782 году, Радищев называет Петра обновителем и просветителем, считает, что он «дал первый стремление столь обширной громаде»¹⁰⁶, переоценивая тем самым роль петровских преобразований в историческом развитии России; он не видит ещё, что допетровская Русь была подготовлена к соответствующей государственной перестройке.

В упоминавшемся неопубликованном отрывке Радищев уже несколько иначе оценивает соотношение петровских преобразований с состоянием допетровской России. Он отмечает, что ещё «царь Алексей Михайлович оградил Россию от поляков покорением Смоленска и положил основание к преобразению»¹⁰⁷, хотя «окончательное преобразование сего огромно(го) государства представлено было тому, который возросший среди бедствий, приобрел столь нужную для государя науку — познание людей»¹⁰⁸.

Радищев критически относится к самим петровским преобразованиям. По его мнению, они были заняты «по большей части в иностран-

¹⁰¹ Дени Дидро. Соч. Т. II, стр. 82. «Academia», 1935.

¹⁰² Архив ЛОИИ, указ. собрание, д. 398, л. 78, об. левая колонка.

¹⁰³ В опубликованном в «Материалах и исследованиях» (М.-Л. изд-во Академии наук, 1936) «Проекте для разделения уложения российского», представляющем собою схему для написания проекта, Радищев указывает на необходимость ввести в уложение раздел о заслугах и награждениях.

¹⁰⁴ Архив ЛОИИ, указ. собр., д. 398, л. 98.

¹⁰⁵ Там же, л. 83.

¹⁰⁶ Радищев А. Соч. Т. I, стр. 150.

¹⁰⁷ Архив ЛОИИ, указ. собр., д. 398, л. 83.

¹⁰⁸ Там же.

ных землях без всякой иногда сообразности с местными обстоятельствами»¹⁰⁹. Но вместе с тем это зло он считал преходящим, полагая, что Пётр спешил «претворять не занимаясь маловажными подробностями, которые время очищает незаметно», тем более, что новые законы опирались на прежние мудрые узаконения и обычаи, «которые содержат связь государственную»¹¹⁰. Иронизируя по поводу того, как легко история присваивает имя «великого». Радищев, тем не менее, считает, что это звание принадлежит Петру по праву. Но Радищев видит в Петре одновременно и «столь властного Самодержавца, которой изстребил последние признаки дикой вольности своего отечества»¹¹¹.

Радищев блестяще вскрыл основу петровских преобразований в другом отрывке, возможно, также относящемся к законодательным проектам. «Пётр первый тронутый более блеском наружным общественные связи, нежели её внутренним блаженством обратил свои законы на торговлю, мануфактуры, морское и сухопутное войско. В судах учредил порядок течения дел, но ось так сказать, на коей всему вертется должно, оставил прежнюю»¹¹². Отмечая прогрессивное значение петровских преобразований, Радищев говорит, что они являлись лишь частными преобразованиями и не изменили главного — социальной сущности русского государства. Глубокое материалистическое понимание роли Петра, попытка всесторонне показать Петра как политического деятеля — один из несравненных образцов историзма Радищева.

Взгляды Радищева на исторический процесс претерпевали эволюцию. Начав с определения самодержавия как противоестественного состояния, он в дальнейшем стремился к установлению социальных причин, вызвавших порабощение человека человеком, и путей уничтожения этого противоестественного состояния. Самый факт оценки исторического процесса как борьбы противоположностей при всём наивном стихийно-диалектическом понимании этой борьбы — явление огромной важности в развитии русской и мировой общественно-политической мысли. Увидеть, что в мире есть две силы — угнетатели и угнетённые, — прийти к выводу, что последние являются той силой, которая поведёт историю по новому пути, это значило изменить в корне самое понятие исторического процесса и взмывать на историю не только как на науку о прошлом, но и определить её как руководство к действию для будущего. История интересовала Радищева именно как процесс, который приведёт к ломке общественных отношений, существовавших в его время. Непреодолимые противоречия, к которым он приходил из-за того, что его теория исторического процесса в основе своей была идеалистична и в конечном счёте сводилась к борьбе человеческих страстей, на последних этапах своего творчества Радищев пытался разрешить, заглядывая в объективную сущность этой борьбы и обнаруживая подчас её отдельные материальные источники.

Радищев увидел роль народных масс в историческом процессе, и, указав на то, что активность этих масс будет возрастать и народ станет решающей силой истории будущего, выступил как первый зачинатель русской революционной демократии в воззрениях на государство и роль народных масс. Вот почему сто с лишним лет спустя в числе тех, кем гордится русский народ, Ленин назвал Александра Николаевича Радищева.

¹⁰⁹ Архив ЛОИИ, указ. собр., д. 398, л. 83.

¹¹⁰ Там же

¹¹¹ Радищев А. Соч. Т. 1, стр. 150 — 151.

¹¹² Архив ЛОИИ, указ. собр., д. 398, л. 89.